

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжан В. Влияние субъективных факторов на репрезентацию лингвокультурных смыслов в переводе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на китайский язык // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75852 EDN: QPHSYG URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=75852

Влияние субъективных факторов на репрезентацию лингвокультурных смыслов в переводе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на китайский язык

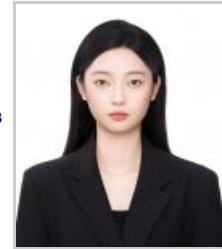
Чжан Ваньцзин

ORCID: 0009-0003-0337-1907

аспирант; кафедра теории и практики иностранных языков; Российский университет дружбы народов имени Патрика Лумумбы

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6

✉ zhangwanjing2025@yandex.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.75852

EDN:

QPHSYG

Дата направления статьи в редакцию:

11-09-2025

Аннотация: Предметом исследования является специфика влияния личностных установок переводчика и внешних субъективных факторов, обуславливающих особенности репрезентации лингвокультурных смыслов (которые выражаются через ключевые культурно-философские концепты: вина, совесть, искупление, и стилистико-прагматические маркеры: экспрессивность, ирония, оценочность), при переводе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на китайский язык. Объектом исследования служит корпус русско-китайских переводов романа, принадлежащих китайским переводчикам, и сопутствующие паратекстуальные материалы (предисловия, послесловия, комментарии). Цель исследования – выявить характер и механизм воздействия субъективных факторов на репрезентацию лингвокультурных смыслов в русско-китайских переводах романа и предложить конкретные шаги, позволяющие минимизировать их влияние. Особое внимание уделяется анализу роли таких факторов,

как личностные установки переводчика, его образование, религиозно-мировоззренческие, этические взгляды и внешние обстоятельства – издательская политика, требования целевой аудитории, идеологические, цензурные ограничения. Методология исследования включает корпусный анализ китайских переводов (выполненных Жу Лунем, Ли Ганом, Юань Яньнанем, Чжу Хайгунем и Ван Вэнем), их лингвокультурных и прагматических особенностей, методы качественного лингвистического и филологического анализа, в том числе подразумевающие контекстуальный разбор ключевых фрагментов романа, сопоставление вариантов китайского перевода, тематический анализ высказываний переводчиков в паратексте. Научная новизна исследования заключается в систематизации субъективных факторов (личностных, эстетических, идеологических, профессиональных) и их влияния на репрезентацию лингвокультурных смыслов в китайских переводах романа «Преступление и наказание», а также в разработке теоретико-практической модели детерминации и коррекции влияния субъективных факторов в процессе художественного перевода. Модель может быть использована в теории и практике художественного перевода, при подготовке учебно-методических материалов для студентов-переводчиков и программ повышения квалификации. Основные выводы: личностные установки переводчика (уровень образования, литературные предпочтения, религиозно-мировоззренческие и этические взгляды) системно влияют на выбор лексико-семантических и стилистических средств и тем самым смещают акценты исходных лингвокультурных смыслов; внешние субъективные факторы (издательская политика, требования целевой аудитории, идеологические и цензурные ограничения) становятся детерминантами адаптации, искажения культурно значимых концептов и символики, радикально меняя их смысловую нагрузку.

Ключевые слова:

субъективные факторы, репрезентация лингвокультурных смыслов, китайские переводы, Преступление и наказание, идеологические влияния, стратегии перевода, личностные установки переводчика, лексико-семантические маркеры, механизмы воздействия факторов, культурно значимые концепты

Введение

Современная переводоведческая наука все чаще выходит за рамки вопросов эквивалентности текста и фокусирует свое внимание на репрезентации лингвокультурных смыслов – тех значений, которые возникают на стыке языка и культуры и которые передаются не только посредством слов, но и культурно обусловленных контекстов [5]. В данном случае большой интерес представляет художественный текст, в котором, как правило, сосредоточен целый комплекс лингвокультурных единиц: образов, стереотипов, ценностных коннотаций, идиоматических конструкций, межязыковых отсылок, эстетических приемов и смысловых доминант, чьи функции обусловлены как простой передачей информативного содержания текста, так и созданием художественного эффекта, формированием идеологических, эмоциональных импликаций, моделированием культурного опыта читателя [2]. Именно поэтому перевод художественного текста требует от переводчика не только лингвистической компетенции, но и глубокой культурной интуиции, способности воссоздавать ситуацию коммуникации, распознавать приоритеты оригинала и принимать осознанные решения о том, какие элементы следует сохранить, а какие – адаптировать к принимающей культуре (отсюда возникает проблема влияния

личностных установок переводчика). При этом на специфику реализации художественного перевода также влияют внешние субъективные факторы (издательская политика, требования целевой аудитории, идеологические и цензурные ограничения), которые обуславливают выбор переводческих стратегий и конечный «облик» текста-перевода.

В контексте исследований по художественному переводу проблема личностных установок переводчика и внешних субъективных факторов, определяющих особенности репрезентации лингвокультурных смыслов в тексте, приобретает особую актуальность. Это обусловлено тем, что данная проблема затрагивает не только теоретические аспекты, но и практику профессионального художественного перевода: читатель получает не объективный источник информации, а продукт, несущий следы субъективности переводчика, его идеологической позиции и жизненного опыта, а также влияния условий распространения перевода в качестве печатного издания. Важно отметить, что на сегодняшний день данная проблема рассмотрена достаточно поверхностно – зачастую исследуются ее отдельные аспекты: в частности, Т. П. Андриенко уделяет внимание социокультурным детерминантам переводческой деятельности в рамках глобальных и локальных стратегий перевода [1]; А. А. Водяницкая посвящает свою работу анализу роли субъективного фактора при переводе оценочных значений [3]; Л. В. Крупник изучает личность переводчика как субъективный фактор (автор останавливается на психолингвистических особенностях художественного перевода) [8]; Л. В. Кушнина выделяет объективные и субъективные факторы в семиотическом пространстве перевода [9]; Т. Г. Никитченко обращается к лингвистическим и психологическим аспектам художественного перевода и его субъективным факторам, которые рассмотрены достаточно подробно [10]. Тем не менее, все это не приводит к целостному пониманию специфики влияния субъективных факторов на репрезентацию лингвокультурных смыслов в переводе, поскольку зачастую превалируют фрагментарные наблюдения и описательные систематизации, при этом не хватает согласованной методологии и эффективных моделей, детерминирующих и корректирующих влияние субъективных факторов в процессе художественного перевода.

В связи с этим в рамках настоящего исследования считаем необходимым рассмотреть в комплексе специфику влияния личностных установок переводчика и внешних субъективных факторов, обуславливающих особенности репрезентации лингвокультурных смыслов в переводе. В качестве объекта исследования считаем целесообразным обратиться к роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» [4], его китайским переводам, и сопутствующему паратексту (предисловиям, послесловиям, комментариям) [11–14]. Выбор данного материала в качестве объекта исследования обусловлен тем, что:

- во-первых, роман «Преступление и наказание», будучи текстом исключительной художественной условности и смысловой плотности [6; 7], представляет собой типичный источник лингвокультурных смыслов (религиозных и философских аллюзий, бытовых реалий и социальных стереотипов, разнообразных речевых стилей);
- во-вторых, китайские переводы и сопутствующие им паратекстуальные материалы репрезентируют разные идеологические контексты восприятия русской классики в Китае; сопоставительный анализ переводов позволяет выявить, каким образом внешние субъективные факторы корректируют или усиливают личностные установки переводчика в процессе репрезентации лингвокультурных смыслов.

– в-третьих, наличие разнообразных паратекстуальных материалов – предисловий, послесловий, примечаний – позволяет проследить, как именно переводчики, издатели и комментаторы определяют читательское восприятие и предписывают интерпретативные рамки, что, в свою очередь, влияет на коммуникативный статус перевода как культурного феномена.

Таким образом, все это определило цель настоящего исследования, которая заключается в выявлении характера и механизма воздействия субъективных факторов на репрезентацию лингвокультурных смыслов в русско-китайских переводах романа «Преступление и наказание» и предложении конкретных шагов, позволяющих минимизировать их влияние. При этом основной акцент определяется анализом роли таких факторов, как личностные установки переводчика, его образование, художественные вкусы, религиозно-мировоззренческие и этические взгляды, а также внешние обстоятельства – издательская политика, требования целевой аудитории, идеологические и цензурные ограничения.

Личностные установки переводчика как фактор выбора лексико-семантических и стилистических средств репрезентации лингвокультурных смыслов

Перевод как процесс передачи языковых единиц и лингвокультурных смыслов требует от переводчика не только владения двумя языковыми системами (в данном случае русской и китайской), но и его развитых личностных установок. В данном случае под личностными установками переводчика понимается совокупность качеств, обусловленных уровнем образования, литературными предпочтениями, религиозно-мировоззренческими и этическими взглядами, которые (качества) определяют выбор лексико-семантических и стилистических средств, обеспечивающих репрезентацию культурно значимых явлений [8; 10]. При этом личностные установки раскрываются в умениях выявлять культурно-значимые коннотации, скрытые pragматические эффекты и межязыковые несоответствия исходного текста, а также выбирать адекватную стратегию их передачи в языке перевода.

Как показывает анализ русско-китайских переводов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» и сопутствующих паратекстуальных материалов (предисловий, послесловий, комментариев), личностные установки китайских переводчиков оказывают значительное влияние на весь переводческий процесс. Данное влияние проявляется не только в выборе отдельных лексических эквивалентов, но и в формировании общей стратегии передачи языковых единиц, стилистических особенностей, лингвокультурных смыслов. Рассмотрим личностные установки переводчиков более подробно.

I. Влияние уровня образования и филологической подготовки переводчиков на репрезентацию лингвокультурных смыслов особенно заметно в контексте русско-китайских переводов. Китайские переводчики, стремясь к точной передаче этих лингвокультурных смыслов, зачастую прибегают к дословным соответствиям и к сохранению стилистических маркеров оригинала. Например, при переводе такого выражения, как «русский молебен» («Русский молебен хочет служить, хе-хе!..» [4, с. 83]), китайские переводчики используют различные варианты единиц, чтобы передать его значение. Например, в текст может вводиться:

– прямой эквивалент 俄祈禱仪式 [é qídǎo yíshì] / русская молитва [12] (с целью сохранения национальной и религиозной смысловой нагрузки);

- различные архаичные варианты 俄礼拜祈禱 [é lǐbài qídǎo] / русская месса, молитвенное служение [11] (что указывает на архаизирующую окраску и попытку сохранить историко-церковный контекст произведения);
- также может использоваться переносная или образная интерпретация 俄虔诚的祈禱 [é qiánchéng de qídǎo] / русская благочестивая молитва [14] (чтобы передать эмоциональную окраску и сохранить оценочные коннотации оригинала).

Данные варианты указывают на различные переводческие стратегии – стремление к кальке, архаизации или экспликации. Выбор конкретного решения во многом обусловлен уровнем образования переводчиков и глубиной их филологической подготовки: более подготовленные специалисты склонны учитывать историю употребления языковых единиц, их стилистико-семантические оттенки и возможные культурно-исторические отсылки, тогда как менее профильные переводчики чаще опираются на «согласующиеся» и понятные целевому читателю эквиваленты, что зачастую приводит к утрате культурно значимых коннотаций.

II. На репрезентацию лингвокультурных смыслов оказывают существенное влияние художественные вкусы и эстетические установки переводчиков. В данном случае речь идет не только о знании китайского и русского языков и в целом культуры, но и о том, каким образом переводчики воспринимают текст с художественной точки зрения. От этого зависит, как переводчик будет «воссоздавать» идиостиль писателя: используя приемы дословного перевода или исходить из творческого подхода, который даст возможность сохранить эмоциональный тон произведения, но будет полностью адаптирован к языку перевода. В качестве примера можно привести то, как китайские переводчики передают «идею сверхчеловека». В частности, при ее описании встречаются следующие языковые единицы:

- 超人思想 [chāorén sīxiǎng] / суперчеловек, концепция суперчеловека [12; 13] (в данном случае наблюдается отсылка к философии Ницше и воспринимается как калька);
- 人类的理想自我 [rénlèi de lǐxiǎng zìwǒ] / идеальное «я», идеал человеческого «я» [14] (в этом варианте делается акцент на психологической составляющей понятия, при этом он является пояснительным и сохраняет абстрактно-философский тон);
- 超越道德的自我塑造 [chāoyuè dàodé de zìwǒ sùzào] / самостворение за пределами морали, формирование «я» за пределами морали [11] (в этом варианте делается акцент на акте самопреобразования и на морально-этическом измерении понятия).

Также встречаются такие единицы, как 超人理念 [chāorén lǐniàn], 超人观念 [chāorén guānniàn], 超人哲学 [chāorén zhéxué] / концепция, философия суперчеловека [13; 14] (данные единицы представляют нейтральные обозначения, лишённые ярко выраженной эмоциональной и оценочной окраски). В целом выбор конкретной лексической формулы в переводе неизбежно несёт в себе определённые смысловые импликации и стилистические акценты, которые в совокупности формируют восприятие языковых единиц в китайской культуре. При этом эстетические установки китайских переводчиков проявляются на разных уровнях и в различных решениях – от выбора отдельного лексического эквивалента до общей стратегии воссоздания художественного текста.

III. Религиозно-мировоззренческие и этические позиции переводчиков воздействуют непосредственным образом на оценочные оттенки и на то, какие мотивы будут подчёркнуты или опущены при переводе. Атеистические или коммунистические установки

китайских переводчиков определяют выбор в сторону трактовки социально-экономических детерминант поведения (акцент на бедности, социальной несправедливости, преступлении как социальном феномене), тогда как религиозно настроенные и духовно ориентированные переводчики будут выделять религиозные символы, покаянные мотивы, сакральные значения образа Сони и пр. Например, при переводе единицы «покаяние» («Покаяния разные публичные при сем на себя налагают, – выходит красиво и назидательно, одним словом, вам беспокоиться нечего...» [\[4, с. 202\]](#)) могут использоваться единицы:

- 改造 [gǎizào] / преобразование, трансформация личности или 觉悟 [juéwù] / пробуждение, осознание [\[12; 13\]](#) (китайские переводчики акцентируют внимание на социальной трансформации личности и воспитательной функции);
- либо 忏悔 [chànhuǐ] / раскаяние, покаяние перед Богом [\[11\]](#) (что подчёркивает религиозный аспект покаяния).

Кроме этих вариантов китайские переводчики также используют в тексте и более нейтральные единицы: 内疚 [nèijiù] / чувство вины, 悔过 [huǐguò] раскаяние, исправление (в нейтрально-воспитательном ключе); 认罪 [rènzuì] / признание вины (с юридическим акцентом); 后悔 [hòuhuǐ] / чувство вины, сожаление, 自责 [zìzé] / самобичевание – все эти варианты указывают на возможные смещения понятия у разных переводчиков: от социального или личностного прочтения до религиозно-этического восприятия. В данном случае выбор языковой единицы не только определяют ключевую коннотацию понятия, но и перестраивает читательское восприятие героя, мотивации их поступков.

IV. Стилистические и прагматические решения, проявляющиеся на уровне лексики, синтаксиса и прагматики, напрямую влияют на восприятие лингвокультурных смыслов романа «Преступление и наказание» китайскими читателями. Эти решения реализуются через ряд ключевых приёмов (использования кальки, дословного перевода, перефразирования, эксплицитного и имплицитного выражения), каждый из которых по своему воссоздает текстовую картину мира оригинала и тем самым формирует иную читательскую интерпретацию. Ярким примером служат нравственные сомнения главного героя, которые в оригинале зачастую представлены имплицитно, в русско-китайском переводе же они имеют более явное выражение (за счёт эксплицитных пояснений), либо наоборот, могут быть нивелированы посредством нейтральных формул. В частности, в эпизоде, где Раскольникову снится сон о «маленькой, тощей, саврасой крестьянской клячонке» [\[4, с. 46\]](#), которую жестоко избивают на глазах у толпы (следует отметить, что данный эпизод имеет ярко выраженное лингвокультурное значение; вся сцена представлена как характерный, но не прямо комментируемый автором образ: жестокость по отношению к бедному животному, равнодущие толпы и острое моральное потрясение главного героя; именно этот образ у русскоязычных читателей часто вызывает ассоциации с крестьянской жизнью, жестокостью повседневности и христианско-моральной категорией сострадания). Китайский перевод данного эпизода может быть представлен как:

- экспликация (с добавлением оценочных пояснений): 他看到乡下人无情地打死那匹老马——这在当时的俄国农村很常见, 弱者的呻吟成了习以为常的景象; 他由此深感不平与痛惜 [*Tā kàn dào xiāngxià rén wúqíng de dǎ sǐ nà pí lǎo mǎ—zhè zài dāngshí de éguó nóngcūn hěn chángjiàn, ruòzhě de shēnyín chéngle xíywéicháng de jǐngxiàng; tā yóu cǐ shēn gǎn bùpíng yú tòngxī*] / Он видел, как крестьяне немилосердно забили до смерти старую лошадь, — в то время это было обычным явлением в русской деревне, и стонами слабых стали

обычным зрелищем; он почувствовал глубокое негодование и раскаяние [12, с. 69]. В данном случае переводчиками используется историко-социальный комментарий, который дает возможность сосредоточить внимание китайского читателя и определенным образом подтолкнуть его к пониманию русской действительности того времени, где жестокость предстает как структурная черта среды. При этом прагматически экспликация снижает двусмысленность и усиливает этическую оценку, но уменьшает пространство для читательской интерпретации;

– нивелирование / нейтрализация (обобщение, потеря специфики): 他看到有人残忍对待一匹马, 马受了重伤, 路人置若罔闻, 他心中只剩下沉重的悲哀 [Tā kàn dào yōurén cánrěn duìdài yī pí mǎ, mǎ shòule zhòngshāng, lùrén zhìruòwǎngwén, tā xīnzhōng zhī shèng xià chénzhòng de bēi'āi] / Он видел, как кто-то жестоко обращался с тяжело раненой лошадью, а прохожие закрывали на это глаза. Он был полон глубокой скорби [14, с. 53]. В рамках данного перевода утрачивается «крестьянский» контекст и социолингвистический маркер «мужики», в результате чего сцена отражает универсальные представления о жестокости. Для китайской аудитории теряется часть лингвокультурной информации о русском социальном фоне: ослабляется потенциал историко-социальной интерпретации при восприятии художественного текста (китайский читатель не получает сигнала о классовой принадлежности героев произведения и о характере описываемой социальной среды, что приводит к смещению лингвокультурных смыслов и, вероятно, к искажению авторского замысла). При этом решение о том, сохранить ли разговорные обороты, просторечные выражения и региональные языковые особенности в репликах героев, также влияет на историко-социальную палитру данного произведения: бедность и преступная среда могут выглядеть более или менее «местными» для китайских читателей при эквивалентном переводе, что определит специфику рефлексии читателя о социальном фоне преступления.

V. Наконец, на репрезентацию лингвокультурных смыслов при русско-китайском переводе романа «Преступление и наказание» также оказывает значительное влияние субъективность переводчика, проявляющаяся в паратексте: в предисловиях, комментариях и пр. В качестве примера можно привести особенности перевода слова барин («Не зайдете, милый барин? – спросила одна из женщин довольно звонким и не совсем еще осипшим голосом» [4, с. 122]). В русском тексте данная языковая единица несёт коннотации социального статуса, определенной модели межличностных отношений в дореволюционной России. В китайском языке прямого эквивалента этой единицы нет, в связи с этим китайским переводчикам приходится использовать один из вариантов с близким значением (что, безусловно, влияет на лингвокультурный смысл оригинала произведения). Так, в переводах романа встречаются следующие единицы: 老爷 [lǎoyé] / хозяин, владелец; 掌握 [zhǎngwò] / владелец; 地主 [dìzhǔ] / хозяин, арендодатель; также встречаются варианты нейтрального вежливого обращения 先生 [xiānshēng] и 绅士 [shēnshì] / господин, сэр, джентльмен (что, важно отметить, лишает необходимой социальной маркированности), при этом данные варианты сопровождаются, в первом случае – пояснительной сноской переводчиков (в соответствии с которой указывается, что барин – помещик / дворянин, владелец крепостных; социально-историческое понятие XVIII-XIX вв. в России) [12]; во втором случае – роман сопровождается предисловием, где переводчик подчёркивает классовую критику Ф. М. Достоевского и интерпретирует его произведение как «картину социального неравенства» [11]. Все это указывает на то, что китайские переводчики, опираясь на собственную интуицию и паратекст, могут передавать различный лингвокультурный смысл переводимого текста.

Внешние субъективные влияния и их роль в адаптации или искажении культурно значимых концептов и символики

Кроме комплекса личностных установок китайских переводчиков существенное влияние на репрезентацию лингвокультурных смыслов оказывают внешние субъективные факторы, среди которых ключевыми являются издательская политика, требования целевой аудитории, идеологические и цензурные ограничения. Так, китайские издатели зачастую ориентируются на государственные стандарты: с одной стороны, массовость выпускаемого издания, с другой – цензура обуславливают необходимость выхода в печать более «легкого» и сокращённого текста, что неизбежно влечет за собой упрощение сложных философско-религиозных рассуждений в произведении Ф. М. Достоевского и к удалению фрагментов, которые не считаются «необходимыми». Также все это проявляется в редакторской замене культурно значимых концептов текста-оригинала на более общие эквиваленты (в т. ч. идеологически «правильные»), в исключении подробных объяснений исторических контекстов, в редактировании символики и пр. Например, в одной из ранних редакторских версий романа «Преступление и наказание» на китайский язык ранее упомянутый «сон о лошади» (который в оригинале представлен как подробный рассказ о «маленькой, тощей, саврасой крестьянской клячонке» [\[4, с. 46\]](#), с описанием о ее мучениях, реакции свидетелей ситуации, внутреннем потрясении главного героя и пр.), был сокращён до нескольких предложений. Упоминание о «кошмарном сне» в переводе превратилось в общий рефрен без деталей (一匹老马被人赶打致死, 旁人冷眼围观 [Yī pǐ lǎo mǎ bìng bài zhì sì, pángrén lěngyǎn wéiguān] / Кто-то забил насмерть старую лошадь, а прохожие равнодушно наблюдали за этим [\[15, с. 193\]](#)). Была лишь отмечена жестокость, но без подробностей и психологического сопровождения. Все это порождает не только упрощение внешних деталей произведения, но и искажает его художественную и философскую глубину.

Редакторские и цензурные ограничения особенно заметны в различные исторические периоды: переводчики и редакторы в условиях государственной цензуры сознательно нейтрализуют религиозно-духовные мотивы, заменяя их нейтральными или социально-акцентированными формулировками (так, вместо понятий о духовной бедности и внутреннем возрождении героя акцент может ставиться на социальной нищете и классовых причинах совершенного преступления). Ярким примером служит сцена, где Соня, с ее верой и страдальческой смиренностью, читает Родиону Раскольникову Евангелие (в частности, эпизод о воскресении Лазаря), что побуждает героя к духовному пробуждению и покаянию (это один из важных религиозно-духовных мотивов произведения). При этом ключевыми концептами у Ф. М. Достоевского служат: *покаяние, искупление через страдание и веру, спасение через веру, духовное возрождение* [\[4\]](#). Однако в одной из ранних версий перевода данные единицы были нивелированы и «заменены» на: *переоценка моральных ориентиров и ценностей, пересмотр взглядов, трансформация мировоззрения, ответственность перед обществом, роль среди и бедности в совершении преступления* [\[15\]](#). Такого рода замены приводят к тому, что в тексте перевода исчезают важные религиозные понятия (信仰 [xìnyāng] / вера, 悔改 [huǐgǎi] / покаяние, 赎回 [shú huí] / искупление, 復活 [fùhuó] / воскресение) и на их место приходят светские, социально-этические формулировки (道德 [dàodé] / мораль, 良心 [liángxīn] / совесть, 公眾譴責 [gōngzhòng qiǎnzé] / общественное осуждение, 犯罪的社會原因 [fànzuì de shèihuì yuányīn] / социальные причины преступления). Все это приводит к значительной трансформации смысловой картины романа «Преступление и наказание». В результате мотивация героев произведения воспринимается в ином ключе – не как

борьба за духовное возрождение, а как следствие социальных обстоятельств или межличностных конфликтов.

На специфику перевода (кроме издательской и цензурной политики) также влияют ожидания и предпочтения самой китайской аудитории, чьи читательские запросы определяют формирование в переводах определённых приоритетов и стиля изложения художественного текста. При этом наибольшее значение, как показывает анализ, имеют:

- стремление к доступности художественного языка: упрощение синтаксических структур, отказ от использования редких и трудновоспроизводимых культурно-специфических языковых единиц (концептов); например, вместо «изба», «хоромы» более понятные единицы 小木屋 [xiǎo mùwū], 大屋 [dàwū] или 房子 [fángzǐ] / дом, домик, большой дом;
- прагматизация образных элементов художественного текста: замена значимых философско-религиозных мотивов на более понятные образы, легко воспринимаемые широкой аудиторией; например, вместо выражения «нести свой крест» используется 心中的负担, 痛苦 [xīnzhōng de fùdān, tòngkǔ] / тяжесть, боль в сердце (символ страдания трансформирован в бытовую метафору);
- локализация лингвокультурных концептов: замена «русских концептов» на локальные аналоги, сокращение или переработка исторических контекстов; например: «барин / дворянин» переводится как 老爷 [lǎoyé], 掌握 [zhǎngwò], 地主 [dìzhǔ] (замена на понятные китайскому читателю социальные категории);
- адаптация идиостиля писателя и нивелирование авторской интонации: склонность к «сглаживанию» стилистических контрастов в пользу более нейтрального, описательного языка; например, буквальный перевод (близкий к оригинальной лексике и синтаксису): 七月初, 在一个极为炎热的时节, 有一个青年从他的狭小的房间走到街上 [Qī yuèchū, zài yīgè yíngè jíwéi yánrè de shíjíé, yǒu yīgè qīngnián cóng tā de xiáxiǎo de fángjiān zǒu dào jiē shàng] / В начале июля, в очень жаркую пору, молодой человек вышел из своей маленькой комнаты на улицу [\[11\]](#); адаптированный перевод: 七月初, 天特别热, 一个年轻人从自己小屋里走上街去 [Qī yuèchū, tiān tèbié rè, yīgè niánqīng rén cóng zìjǐ xiǎowū li zǒu shàng jiē qù] / В начале июля, в жаркий день, молодой человек вышел из своей комнаты на улицу [\[14\]](#);
- эксплицитность и пояснительная стратегия: тенденция к увеличению экспликаций – добавлению кратких пояснений в тексте или паратексте, что направлено на формирование определенного контекста, без обращения к внешним источникам; например, внутритекстовое уточнение социальных ролей: при переводе слова «барин» вводится пояснительная вставка 地主, 村里的有钱人 [Dìzhǔ, cūnlí de yǒu qián rén] / помешник, богатый человек в деревне [\[12\]](#), и т. д.

Рассмотрев характер и общий механизм воздействия субъективных факторов, обусловливающих особенности репрезентации лингвокультурных смыслов при переводе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на китайский язык, целесообразно представить теоретико-практическую модель детерминации и коррекции влияния этих факторов в процессе художественного перевода. В частности, в предлагаемую модель целесообразно включить четыре взаимосвязанных блока:

1. Диагностический блок (содержит общий инструментарий для анализа личностных установок переводчика и внешних субъективных факторов: корпусный подсчёт вариантов перевода и анализ их специфики, исследование паратекстуального материала, изучение релевантных лексико-семантических и стилистических маркеров);

2. Аналитический блок (включает методики системного анализа механизмов влияния выделенных факторов на предметную и прагматическую репрезентацию лингвокультурных смыслов: контент-анализ, разбор ключевых сцен произведения на лингвокультурном и лингвопрагматическом уровнях, сопоставление работ различных переводчиков);
3. Коррекционный блок (заключает в себе комплекс практических приёмов и редакторских процедур с целью минимизации «нежелательной субъективности»: развитие рефлексивного мышления переводчика, разработка словарей, обсуждение альтернативных стратегий в редакции, рекомендации по составлению и оформлению паратекста);
4. Оценочный блок (определяет критерии и стратегии перевода и эффективности коррекции влияния субъективных факторов: критерии эквивалентности, репрезентативности лингвокультурных смыслов, эмпирический анализ восприятия текста целевой аудиторией, сопоставительный анализ до/после внесения корректировок).

Данная модель позволит обеспечить системный, воспроизводимый и оперативно применимый механизм выявления, анализа и коррекции субъективных факторов, влияющих на репрезентацию лингвокультурных смыслов при переводе художественного произведения на китайский язык. При этом модель способствует сочетанию разрозненных приёмов в единый цикл процедур, который даст возможность снизить нежелательную субъективность при сохранении творческой автономии переводчика (за счет модульности, эмпиричности, практической осуществимости). Кроме того, в рамках данной модели для минимизации влияния субъективных факторов на репрезентацию лингвокультурных смыслов в переводе целесообразно не только повышать рефлексивность переводчика, использовать практику самоанализа, но и внедрять институциональные и методические механизмы, направленные на системное снижение субъективной инертности в переводе. Большое значение имеет:

- включение в издательские проекты переводческих примечаний и параллельных комментариев, объясняющих проблемные решения и альтернативные варианты перевода ключевых концептов, понятий, выражений с русского языка на китайский;
- поощрение коллективного перевода и редакторских консультаций, особенно при сложных лингвокультурных единицах, с целью снижения влияния субъективных факторов в процессе русско-китайского перевода;
- а также разработка прозрачных редакторских и издательских стандартов в Китае, создание специализированных (научных) версий романа, использование сносок и предисловий, а также правовая и профессиональная поддержка китайских переводчиков.

Заключение

Таким образом, рассмотрев специфику влияния личностных установок переводчика и внешних субъективных факторов, обуславливающих особенности репрезентации лингвокультурных смыслов при переводе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на китайский язык, пришли к следующим выводам:

Во-первых, личностные установки переводчика (уровень образования, литературные предпочтения, религиозно-мировоззренческие и этические взгляды) системно влияют на выбор лексико-семантических и стилистических средств и тем самым часто смещают

акценты исходных лингвокультурных смыслов. Это делает процесс перевода субъективным актом воссоздания исходной культуры: одни элементы усиливают, другие – «приглушают» или формируют иные представления. Соответственно, с целью минимизации искажения важно повышать рефлексивность переводчика, внедрять практику самоанализа и парного/редакторского контроля, а также использовать поясняющие паратекстуальные средства (примечания, комментарии). Важно отметить, что такие средства могут служить не только справочным материалом, но и коммуникативным инструментом, позволяющим регулировать степень эксплицитности культурных элементов, формировать рамки интерпретации и ускорять процесс усвоения чужой культурной реальности китайским читателем.

Во-вторых, внешние субъективные факторы (издательская политика, требования целевой аудитории, идеологические и цензурные ограничения) нередко становятся детерминантами адаптации или искажения культурно значимых концептов и символики, порой радикально меняя их смысловую нагрузку. В этом случае русско-китайский перевод часто видоизменяет сообщение в соответствии с внешними ожиданиями читательской аудитории, что ставит вопрос об аутентичности и этике перевода. Выходом из данной ситуации будет разработка прозрачных редакторских стандартов в Китае, создание специализированных (научных) версий романа, использование сносок и предисловий, а также правовая и профессиональная поддержка китайских переводчиков, что в целом позволит сбалансировать требования китайской аудитории и сохранить культурную целостность рассматриваемого произведения. При этом открытая, рефлексивная политика в области переводческой деятельности в Китае даст возможность сохранить диалог между культурами и одновременно обогатить читательское восприятие, порождая условия для профессионального роста переводчиков и усиления институциональной ответственности за качество передачи лингвокультурных смыслов.

При этом в качестве перспективы исследования видится дальнейшее рассмотрение научных направлений, касающихся более глубокого анализа взаимодействия русской и китайской культур в контексте художественного перевода, выявления механизмов межкультурной трансформации, а также разработки практических инструментов для минимизации искажений при переносе лингвокультурных смыслов в языковой паре «русский-китайский».

Библиография

1. Андриенко, Т. П. Глобальные и локальные стратегии перевода. Германия: LAP Lambert Academic Publishing, 2014. 116 с.
2. Белова, А. В. Лингвокультурные особенности художественного перевода // Филологические науки. Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 3-2 (78). С. 73-75. doi:10.24412/2500-1000-2023-3-2-73-75 EDN: IZPZPD
3. Водяницкая, А. А. Роль субъективного фактора при переводе оценочных значений с английского языка на русский // Проблемы языка: взгляд молодых ученых. Москва: Институт языкознания Российской академии наук, 2012. С. 29-39. EDN: SCNMPE
4. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6: Преступление и наказание: Роман в 6 ч. с эпилогом / текст подгот. Л. Д. Опульская. Ленинград: Наука: Ленинградское отделение, 1973. 423 с.
5. Жуманазарова, С. Стратегии перевода лингвокультурных единиц // Переводоведение и лингвистика в эпоху цифровых технологий: изучение передовых подходов. 2024. № 1 (1). С. 111-113.
6. Касаткина, Т. А. "Преступление и наказание": как создается глубокий текст //

- Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 1 (17). С. 52-62.
doi:10.22455/2619-0311-2022-1-52-62 EDN: OFQBUP
7. Криницын, А. Б. Полифония молчаливых: специфика философского дискурса Ф. М. Достоевского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2006. № 3. С. 375-391. doi:10.22363/2312-9220-2021-26-3-375-391. EDN: FHLOZB
8. Крупник, Л. В. Личность переводчика как субъективный фактор художественного перевода (на материале книги Л. Уоллиса "Бен-гур") // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. Нижний Новгород: ООО "АЛЬБА", 2013. С. 121-129. EDN: RFYRFX
9. Кушнина, Л. В., Аликина, Е. В. Объективные и субъективные факторы в семиотическом пространстве перевода // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. № 4 (37). С. 275-279. doi:10.26140/bgz3-2021-1004-0065 EDN: JXVHRQ
10. Никитченко, Т. Г. Субъективный фактор в художественном тексте: лингвистический и психологический аспекты: на материале перевода: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Кубанский гос. ун-т. Краснодар, 2000. 213 с. EDN: QDIAJD
11. 汝龙译. 陀思妥耶夫斯基. 罪与罚. 安徽文艺出版社, 1999. 647 页. = Жу Лун (пер.) Федор Достоевский. Преступление и наказание. Аньхой: Аньхойское литературно-художественное издательство, 1999. 647 с.
12. 力冈、袁亚楠译. 陀思妥耶夫斯基全集. 第七卷罪与罚 (上) / 陈燊主编. 石家庄: 河北教育出版社, 2010. 351 页. = Ли Ган и Юань Яньнань (пер.) Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского: в XXII тт. Т. VII. Преступление и наказание (часть 1) / под ред. Чэнь Шеня. Шицзячжуан: Hebei Education Press, 2010. 351 с.
13. 力冈、袁亚楠译. 陀思妥耶夫斯基全集. 第八卷罪与罚 (下) / 陈燊主编. 石家庄: 河北教育出版社, 2010. 368 页. = Ли Ган и Юань Яньнань (пер.) Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского: в XXII тт. Т. VIII. Преступление и наказание (часть 2) / под ред. Чэнь Шеня. Шицзячжуан: Hebei Education Press, 2010. 368 с.
14. 朱海观、王汝译. 陀思妥耶夫斯基 罪与罚. 北京: 人民文学出版社, 2004. 540页. = Чжу Хайгуань и Ван Вэнь (пер.) Федор Достоевский. Преступление и наказание. Пекин: Изд-во народной лит-ры, 2004. 540 с.
15. 吴宇晗. 俄译汉翻译单位浅谈. 山西青年, 2017. 267 页. = У Юйхань. Краткое обсуждение русско-китайских единиц перевода. Шаньси: Молодежь провинции Шаньси, 2017. 267 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается влияние субъективных факторов на репрезентацию лингвокультурных смыслов в переводе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на китайский язык. Актуальность предмета исследования не вызывает сомнения и обоснованно аргументируется в работе: «В контексте исследований по художественному переводу проблема личностных установок переводчика и внешних субъективных факторов, определяющих особенности репрезентации лингвокультурных смыслов в тексте, приобретает особую актуальность». Автор(ы) верно отмечают, что «на сегодняшний день данная проблема рассмотрена достаточно поверхностно – зачастую исследуются ее отдельные аспекты». Выбор романа «Преступление и наказание» в качестве эмпирической базы обусловлен тем, что «будучи текстом исключительной художественной условности и смысловой плотности [6;

[7], представляет собой типичный источник лингвокультурных смыслов (религиозных и философских аллюзий, бытовых реалий и социальных стереотипов, разнообразных речевых стилей». Переводы романа на китайский язык также вызывают исследовательский интерес в связи с тем, что они «репрезентируют разные идеологические контексты восприятия русской классики в Китае», при чем «сопоставительный анализ переводов позволяет выявить, каким образом внешние субъективные факторы корректируют или усиливают личностные установки переводчика в процессе репрезентации лингвокультурных смыслов».

Теоретической основой настоящего исследования целесообразно выступили научные работы, посвященные проблемам переводоведения; лингвокультурным особенностям художественного перевода и стратегиям перевода лингвокультурных единиц; изучению личности переводчика как субъективного фактора художественного перевода; специфике идиостиля Ф. М. Достоевского и дискурсивному анализу его романа «Преступление и наказание» и др. Библиография статьи включает 15 источников, в том числе литературные на русском и китайском языках (собрание сочинений Ф. М. Достоевского), представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики; соответствует специфике изучаемого предмета и содержательным требованиям. Все цитаты сопровождаются авторскими комментариями. Методологическую базу составили сопоставительный, функциональный, прагматический методы; методы структурно-семантического, контекстуального и семантико-стилистического анализа; герменевтический и описательно-аналитический методы, а также когнитивный и дискурсивный анализы.

В ходе исследования подробно проанализированы личностные установки переводчика (уровень образования, литературные предпочтения, религиозно-мировоззренческие и этические взгляды) как фактор выбора лексико-семантических и стилистических средств репрезентации лингвокультурных смыслов («это делает процесс перевода субъективным актом воссоздания исходной культуры: одни элементы усиливают, другие – «приглушают» или формируют иные представления») и внешние субъективные влияния (издательская политика, требования целевой аудитории, идеологические и цензурные ограничения) и их роль в адаптации или искажении культурно значимых концептов и символики («становятся детерминантами адаптации или искажения культурно значимых концептов и символики, порой радикально меняя их смысловую нагрузку»). В результате рассмотрения характера и общего механизма воздействия субъективных факторов, обусловливающих особенности репрезентации лингвокультурных смыслов при переводе романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» на китайский язык, предлагается теоретико-практическая модель детерминации и коррекции влияния этих факторов в процессе художественного перевода, что определяет теоретическую значимость и практическую ценность данного исследования.

Работа однозначно является новаторской, представляет авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение («в качестве перспективы исследования видится дальнейшее рассмотрение научных направлений, касающихся более глубокого анализа взаимодействия русской и китайской культур в контексте художественного перевода, выявления механизмов межкультурной трансформации, а также разработки практических инструментов для минимизации искажений при переносе лингвокультурных смыслов в языковой паре «русский-китайский»).

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется оригинальностью, логичностью и доступностью. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна,

будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».